

Глава 1097: Кой желтой реки тихо погружается в темную ночь

Снег легонько дрейфовал в кусачих ветрах.

Даосист У сидел на холодной земле, разложив ноги перед собой. Его лицо пылало негодованием, а его тело было в крови, пока он выкрикивал ругательство за ругательством небу.

Но он не смел двигаться, даже опускать голову, потому что холод у его шеи становился все более живым.

Но не из-за снежинок, попадающих на его воротник.

Это было связано с тем, что Ань Хуа стояла за ним, сосредоточив глаза на его шее, крепко сжимая острый кинжал в руках.

.....

.....

Ван Чжицэ уставился в глаза Чэнь Чаншэну, немного приподняв брови. Его взгляд стал несравненно острым.

Когда он увидел, что Чэнь Чаншэн появляется в Мавзолее Книг, он знал, что Даосиста У постиг провал.

Но ему было все равно, так как он верил, что, учитывая возраст и репутацию Даосиста У, Дворец Ли мог пленить его, но они не станут унижать его.

Он никогда бы не вообразил, что Чэнь Чаншэн станет использовать жизнь Даосиста У, чтобы угрожать ему.

Из этого можно было представить, что Даосист У в данный миг был в ужасной ситуации.

Ван Чжицэ был плохо знаком с таким ощущением.

Прошло много лет с тех пор, как кто-то смел строить против него планы.

Будь они с плохими намерениями или хорошими.

Даже когда Шан Синчжоу путешествовал между поместьями, принадлежавшими министрам Павильона Линьянь, он никогда не проявлял дурных намерений к Ван Чжицэ.

Иначе история бы приобрела совершенно другую форму.

И никто никогда не угрожал ему.

Он тихо смотрел на Чэнь Чаншэна.

Он был самым известным ученым прошлой тысячи лет, но он определенно не был тем ученым, у которого не было сил связать курицу, и он определенно не был хилым.

Он однажды вел объединенные армии людей и оборотней из Графства Тяньлян в Город Сюэлао, оставив за собой путь крови и трупов.

Если говорить об убийстве людей, то даже количество людей, убитого всеми остальными, присутствующими сегодня в Мавзолее Книг, не сможет сравниться с количеством людей, которых убил он.

Его глаза казались подобны бездне, но они также, казалось, горели свирепым пламенем.

Но Чэнь Чаншэн был бесстрашен, спокойно глядя ему в глаза без намерений забирать свои слова обратно.

Легкий взмах поднял снег.

Правая рука Сюй Южун легонько пала на рукоять храмового меча, а ее белоснежные крылья замахали.

Гоу Ханьши, его боевые братья, и три старейшины Зала Мечей Горы Ли безмолвно обнажили свои мечи, готовясь устремиться вперед.

Левая рука Ван По больше не обнимала его клинок. Она сжимала рукоять, в любой момент готовясь извлечь клинок из рукояти.

Если металлический клинок, который однажды рассек Реку Ло, вновь будет обнажен, сможет ли река вокруг Мавзолея Книг продолжать течь?

Старейшины Монастыря Мягкого Ручья, Секты Пылающего Солнца, и других южных сект некоторое время колебались, прежде чем решить поднять свое оружие.

Выражения лиц людей, союзных с Имперском двором, потемнели.

Вот что подразумевалось под устремлением вперед вместе без единого слова?

Но стоявшим напротив них был Ван Чжицэ!

Но это был путь клинка Ван По.

Путь меча Горы Ли.

И это был путь культивации Чэнь Чаншэна.

Прямой.

Если Ван Чжицэ не согласится с предложением Чэнь Чаншэна, Даосист У умрет.

Все было настолько просто, настолько бескомпромиссно.

Несколько принцев Чэней подсознательно посмотрели на Принца Сяна.

Его позиция, как сильнейшего члена Имперского клана, была невероятно важной, достаточной, чтобы изменить ход событий в Имперском дворе и армии.

Принц Чэнь Лю уже пал в руки Дворца Ли.

Если между двумя сторонами действительно разразится враждебность, сможет ли Принц Чэнь Лю выжить?

Но они увидели, что Принц Сян снова закрыл глаза.

Было ли это связано с тем, что то, чего не видели глаза, были чистым, или потому, что он думал о том, что выберет, если возникнет угроза жизни его сыну?

.....

.....

«Несколько сотен лет спустя, когда ты вспомнишь прошлое и осознаешь, что сегодня ты начал преобразаться в человека, которого больше всего презирал...»

Глаза Ван Чжицэ вернули свое самообладание, и он сказал Чэнь Чаншэну: «Ты даже сможешь испытать невообразимое раскаяние».

Чэнь Чаншэн подумал о своих разговорах с Тангом Тридцать Шесть.

Эти разговоры имели место на большом баньяне, у озера, и на берегу Вэньшуя.

Свет заходящего солнца был разрезан на бесчисленные золотые листья, давая столько богатства, что оно практически утомляло.

Толстая кои, которая съела слишком много, медленно погружалась в грязь на дне.

«Я не стану таким человеком, как вы».

Это было его заявление Ван Чжицэ.

Ван Чжицэ спросил: «Почему?»

Чэнь Чаншэн ответил: «Потому что я не хочу становиться кем-то таким, как вы».

‘Не стану, потому что не стану’. Здесь не было логической связи, так что, естественно, не было аргументации.

Ван Чжицэ покачал головой: «Это неразумное объяснение».

Чэнь Чаншэн вернул: «Когда кто-либо из вас говорил со мной разумно?»

.....

.....

Трава у озера была немного пожелтевшей, и среди нее не прорастало зеленых травинок.

Кусочки бумаги, падающие в нее, сдувались туда и сюда ветром.

Учителя и студенты уходили в такой спешке, что было сложно не оставить беспорядка.

Ортодоксальная Академия сейчас была такой же холодной и заброшенной, как Дворец Ли.

Казалось, что она снова стала кладбищем, которым была около двадцати лет.

Это было невероятно уместно для грядущей битвы.

Кто бы из них не умер, они, вероятно, будут не против быть похороненными здесь.

Учитель и ученик оба были здесь директорами, и они определенно оставят нестираемую метку на истории Ортодоксальной Академии.

Танг Тридцать Шесть стоял у озера, обдумывая эти пустые мысли.

Сейчас была ранняя весна, так что озеро должно было растаять, но внезапное падение температуры сегодня сформировало тонкий слой льда на поверхности.

Рыба погрузилась на самое дно озера. Хотя повсюду была грязь, она по крайней мере была теплее.

Су Моюй подтвердил, что все учителя и студенты ушли, и подошел к берегу озера.

Он с волнением спросил: «Ты уверен, что он сможет преуспеть?»

«Я не знаю».

Танг Тридцать Шесть посмотрел на озеро и сказал: «Но я уверен, что он не рад».

.....

.....

Ван Чжицэ больше не говорил ни слова.

Потому что он нашел невозможным ответить на вопрос Чэнь Чаншэна.

Тогда можно было понять, почему он не мог переговорить Чэнь Чаншэна.

Он досконально знал Даосский Канон и имел невероятно глубокий колодец опыта, из которого мог черпать. У него был несравненный интеллект, и он был чрезмерно красноречивым, но сегодня было несколько раз, когда он нашел невозможным ответить Чэнь Чаншэну.

Потому что Чэнь Чаншэн не спорил, не говорил с ним разумно.

Он говорил только правду.

‘С правдой в руках разум на моей стороне’.

Если использовать слова Танга Тридцать Шесть, он был человеком, который жил очень чисто.

Слова Сюй Южун были проще, точнее.

Чэнь Чаншэн был настоящим человеком.

Вот почему она любила его.

Когда Ван Чжицэ замолчал, она подняла правую руку.

Ци мечей отступило, их внушительные намерения вернулись в лес.

Массив мечей Храма Южного Ручья был развеян.

Шан Синчжоу появился перед людьми.

Перед глазами Чэнь Чаншэна.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/346468>